

STUDIA
ETHNOLOGICA

MONOGRAPHIA

Александр Львов

Соха и Пятикнижие

**русские иудействующие
как текстуальное
сообщество**

Санкт-Петербург 2011

Введение

О чем эта книга?

Занимаясь исследованием религиозного движения русских иудействующих (субботников), я довольно часто получал письма от их потомков, пытавшихся разобраться в своем происхождении. Привычка относить себя и других к одной из общепризнанных категорий («русские», «евреи», «сектанты», «православные» и т. п.), наталкиваясь на «странности» в биографии и облике предков, ставит перед потомками субботников вопросы, на которые у них, как правило, нет ответа. «Ведь мы и сами-то толком никогда не могли объяснить, кто мы. Особенно глядя на фотографию деда в кипе», — писала мне из Москвы внучка сибирского субботника. В другом письме, из Владивостока, дочь выходца из закавказского села Привольного писала о своем отце: «Кто он по национальности, мы не могли понять, так как он сам это не очень понимал. Мать вспоминает, что он говорил слова “геры”, “молокане”, но мы не принимали это всерьез, т. к. думали, что такой национальности нет».

Идентичность субботников и их потомков остается проблематичной даже в тех местах, где общины иудействующих сохранились и загадочные слова «геры», «молокане», «караимы», «субботники» и т. п. известны всем. Вот, например, как рассуждает о своей «национальности» жительница села Привольного:

«Ну, конечно, русские! А кто же мы? Ну, русские, субботники. Ну, паспорт у нас... Написано: русская. Ну а как еще больше? Азербайджанка? Еврейка? <...> А может, караимы. А может, какие... Кто их знает, какие мы есть на свете! А теперь жизнь, время какая! Вот, к дитям [в Россию. — А. Л.] ехать — как теперь там жить? Знаешь, как страшно? Субботу соблюдать... Мы вот тут привыкли. Мы ж свиною вообще не ели» (Привольное-1997-10).

Для нее собственная идентичность связана скорее с повседневными практиками, с нормами поведения (соблюдение Субботы, диетарные предписания и т. п.), а не с каким-либо определенным этнонимом или конфессионимом.

Тем не менее эта странная группа, не знающая своего имени, хорошо знала свой «закон». Детали этого «закона» могли варьировать в разных общинах и с течением времени. Неизменными оставались сам термин («Моисеев закон» или просто «закон») и представление о письменном характере этого «закона», определяющего жизнь общины. «А в законе как написано?» — спрашивают субботники в случае сомнения. Конечно, не все читают «закон» сами, но «написанное» там известно каждому. И рядом всегда находятся люди, готовые прочесть и истолковать «закон» для своих соседей. Вслед за Б. Стоком (Stock 1983; 1990) мы будем называть социумы такого типа *текстуальными сообществами (textual communities)*¹.

«Странность» этих сообществ определялась удивительным для образованных людей обстоятельством: крестьянская устная культура соединялась с книжным знанием непосредственно, без участия *грамотности*. Священники и миссионеры XIX в., с высоты своего богословского образования, поражались одновременно и обширности книжных познаний субботников, и их невежеству, т. е. неумению связно излагать основы своей веры. Уличенные в таком «невежестве», субботники оправдывались: «Наше дело соха, да борона, да Пятикнижие» (Олейников 1914: 997). Между двумя фундаментальными основаниями их жизни — земледельческими орудиями и книгами «закона» — просто не оставалось места для «школьных» представлений о себе и о мире. Однако окружающий социум навязывал субботникам свои представления о них — представления, в основу которых положена система этнических и конфессиональных категорий.

Чиновники Российской империи колебались: нужно ли относить субботников к ведомству иностранных вероисповеданий, приравнивая их к евреям или караимам, или же считать их одной из хри-

¹ По определению Б. Стока, этот термин указывает на сообщества неграмотных или малограмотных людей, «организованные вокруг общего понимания некоего текста (a script). <...> Минимальное требование — это хотя бы один грамотный, *interpre*, который понимает некоторое множество текстов и способен устно передать другим свое сообщение» (Stock 1990: 23). При этом в сообществах устанавливается общее понимание текста, которое хранится и передается устной традицией. В отличие от привычной для фольклористики модели взаимодействия письменного и устного, предполагающей независимое от книжного источника бытование устного текста, однажды усвоенного традицией, возникающее в текстуальных сообществах устное общее понимание сохраняет непосредственную связь с источником, выражающуюся в представлениях о том, что разделяемое сообществом знание где-то написано, например в Библии. Таким образом, Сток поставил под сомнение привычное отождествление «народной» культуры с устной традицией, а «официальной» или «ученой» — с письменной (подробнее см. с. 42–44).

стианских сект?² В современном Израиле, в создании которого субботники сыграли заметную роль (см. п. 6.1), вопрос об их праве на репатриацию обсуждается уже много лет и решается то так, то этак. Попытки научного объяснения феномена русских иудействующих сводились, как правило, к причудливым толкованиям популярного мифа о крестьянах, переходивших целыми деревнями из православия в иудаизм. Так, этнограф С. В. Максимов попытался увидеть в этом явлении не «измену родной национальности», но «сочувствие русского человека к угнетенному и презираемому племени» (Максимов 1867: 333, 336). Более ста лет спустя ту же тему развивал израильский ученый С. Дудаков, усмотревший в субботниках «высшую стадию апологии еврейства — идентификацию себя с Древним Израилем и с современным еврейством» (Дудаков 2000: 37). Другим авторам, пытавшимся увидеть в сектантстве проявление народного рационализма и свободомыслия, столкновение с тем же мифом приносило разочарование: они обнаруживали у субботников лишь иудейский «мистицизм», странную и отталкивающую «смесь рационализма и фанатизма» (Астырев 1891: 69), или даже просто «иудаизм с его неограниченной властью догмы, сложным ритуалом и обрядностью, стремлением буквального понимания торы, со всем тем, что обнимается понятием “талмудизм”» (Клибанов 1965: 40).

В этой работе мы попытаемся представить историю движения иудействующих как историю текстуального сообщества. Ключевыми событиями в этой истории являются не отказ от христианства и переход в иудаизм, не превращение русских в евреев, а установление новых связей между религиозными практиками и текстами. Мы будем рассматривать группу, объединенную не общим самоназванием, которого у субботников не было и нет, а общим пониманием письменных текстов «закона».

Являются ли субботники евреями в каком-либо общепринятом — религиозном, этническом, расовом — смысле? Этот вопрос, обращенный к субботникам на протяжении всей их истории, почти не затрагивал основу их группового единства — приверженность «закону», воплощенному в текстах Библии, еврейских молитвенников и др. И все же он сыграл важную роль в судьбе движения. Но чтобы

² Так, в 1806 г. чиновник Министерства внутренних дел (МВД) писал о субботниках: «Открытое их противоборство христианство вообще как основанное на иудейских правилах, не может, кажется, согласно быть с терпимостью духоборцев и других раскольников или природных евреев и прочих не христианского исповедания народов, поелику первые составляют токмо особые секты христианской веры и, не отвергая существенных ее правил, отличаются по большей части одними только обрядами, а последние, наблюдая природную веру по преданиям предков своих, не делают тем соблазна, обращать же других в свои толки запрещено им строжайшими законами. <...> Лучше <...> поселить их в Новороссийском крае вместе с настоящими евреями... исключив их вовсе из Российских обществ и причислив к Еврейским» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1806. Д. 11. Л. 5–9; см. также: Варадинов 1863: 279–281).

оценить эту роль, необходимо рассмотреть ее отдельно от жизни текстуального сообщества *sui generis*.

Я хотел бы в этой книге представить текстуальное сообщество субботников как целостный социальный организм, обладающий всем необходимым, чтобы стать полноценным субъектом истории. Мы будем рассматривать не только собственно религиозную, но и тесно связанную с ней политическую жизнь сообщества, также вырастающую из общего (устного) понимания писаного «закона». Так, позиция субботников по отношению к властям Российской империи не сводилась к пассивному сопротивлению или подчинению, но была вполне самостоятельной. Ее определяло своеобразное («неправильное» с точки зрения властей) прочтение письменных распоряжений правительства. Свое место в рамках децентрализованной еврейской цивилизации субботники, как, впрочем, и большинство евреев в XIX в., также выстраивали на основании текстов Библии, еврейских молитвенников и других книг.

В качестве субъекта истории текстуальное сообщество оказывается альтернативой таким формам объединения людей, как *нация*, *конфессия* или *класс*. Это значит, что в качестве объединяющего начала текст может эффективно заменять собой идеологию — национальную, конфессиональную или классовую. Различие между текстом и идеологией я вижу прежде всего в том, что текст имеет отчетливые границы, определяемые простой и доступной каждому члену сообщества процедурой проверки соответствия сказанного написанному (см. гл. 2). Границы идеологий, напротив, устанавливаются более или менее произвольно группами интеллектуалов, присваивающих себе право говорить от имени массы. В идеологических сообществах эти границы, в силу их неустранимой неопределенности, остаются зоной напряженной борьбы, в которой используются не только рациональные аргументы, но и силовые методы³. В ходе этой борьбы возникают организованные интеллектуальные элиты, пользующиеся поддержкой власти и стремящиеся к монопольному контролю над публичным дискурсом. Соответственно, человек, претендующий на роль интеллектуала в идеологическом сообществе, вынужден ориентироваться не только на свою аудиторию, но и на групповые интересы и методы организованных элит. Отсюда — равнодушие масс к интеллектуальным достижениям элиты, далеким от их нужд и представлений. Однако в текстуальных сообществах такой разрыв невозможен. Высшим судьей в публичных дискуссиях является здесь не элита, избегающая участия посторонних в своих спорах, а сообщество в целом, принимающее или отвергающее толкования

³ Достаточно вспомнить, например, недавний проект введения уголовной ответственности за искажение истории, или способы подавления ересей в истории различных церквей, или сталинскую борьбу с уклонениями от «научной» идеологии рабочего класса.

как истинные или ложные прочтения доступного всем текста. Никакой диплом или сан, никакой мандат, выданный какими-либо компетентными органами, не способен повлиять на решения этого судьи, вообще не склонного наделять толкователей-начетчиков особым авторитетом, отличным от авторитета самого текста.

Именно это сочетание рациональности и демократизма, обеспечивающее общедоступность производимых интеллектуалами-начетчиками смыслов, представляется мне наиболее интересной и привлекательной особенностью текстуальных сообществ, выгодно отличающей их от наций и конфессий. Конечно, мое описание этой особенности — как социального последствия определенного выше различия между *текстом* и *идеологией* — остается пока слишком интуитивным и оценочным, однако более основательное сопоставление различных типов сообществ выходит за рамки данной книги. Моя задача скромнее: выявить текстуальные основания движения русских иудействующих и проследить судьбу этого сообщества от его зарождения в XVIII в. до середины XX в.

После некоторых колебаний я решил исключить из книги главу «Борьба за признание», посвященную современности⁴. В ней должны были затрагиваться довольно болезненные темы, связанные со взаимным непониманием и конфликтами между нынешним руководством еврейских общин и субботниками, издавна входившими в эти общины. Сущностной причиной этих конфликтов является, на мой взгляд, различие между господствующим ныне категориальным (конфессионально-этническим) и текстуальным, укорененным в традиции субботников, пониманием иудаизма и еврейства. В такой ситуации я полагаю неуместным прямое описание позиций вовлеченных в конфликт, живущих ныне людей, но все же надеюсь, что мой анализ предыстории разногласий поможет им прийти к взаимопониманию.

Несколько слов о структуре этой книги. В следующих разделах введения представлены справочные материалы: основные определения и замечания по используемой в книге терминологии, а также краткая характеристика объекта исследования — движения иудействующих (его хронология, география, статистические данные, историография). Самый большой раздел введения («Методология») посвящен теоретической разработке ключевого термина «текстуальные сообщества», содержание которого не вполне укладывается в определения, предложенные его автором Б. Стоком, одновременно и слиш-

⁴ Материалы (этнографические, фольклорные и устно-исторические источники), собранные экспедициями в 1997–2004 гг., присутствуют во многих главах. В последние годы опубликованы несколько статей, посвященных современным общинам субботников (Дымшиц 1999; Разумовская 1999, 2004; Панченко 2003; Штырков 2003; L'vov 2005; Каспина, Титова 2006; Жукова 2008, 2009 а–в; Жукова, Киреева 2009).

ком узкие, и слишком широкие. Важные значения этого термина раскрываются в последовательном противопоставлении категориального и текстуального мышления.

Представляя результаты своих исследований в трех частях этой книги, я придерживался в основном типологического (и только потом — хронологического) принципа организации материала. Мы попытаемся увидеть жизнь текстуальных сообществ, рассматривая различные типы и случаи коммуникации субботников с другими действующими лицами их истории и внутри своих общин. В этих коммуникациях главными ориентирами были не конфессиональные или этнические категории, а тексты «закона» — религиозные и юридические, написанные на русском, церковнославянском и древнееврейском языках, — на которые опиралось и с которыми постоянно сверялось возникающее в сообществах устное знание. Первая часть книги посвящена коммуникациям субботников и других сектантов с властями Российской империи, светскими и духовными, и между собой. Во второй части мы рассмотрим появление в этом многостороннем взаимодействии еще одного действующего лица — диаспорной еврейской цивилизации, с конца XIX в. вовлеченной и вовлекающей субботников в процесс создания своего национального центра в Палестине. Третья часть посвящена анализу путей, по которым в сообщества субботников проникает категориальное мышление, более или менее успешно конкурирующее с текстуальными основаниями их культуры.

Большинство глав посвящено анализу одной или нескольких коммуникативных ситуаций, в центре которых находились письменные тексты различных типов. Однако наше внимание сосредотачивается не столько на самих текстах, сколько на вовлеченных в коммуникацию и отчасти сформированных ею группах. Поскольку в коммуникациях участвуют одновременно несколько групп, каждая глава оказывается довольно разнородной по своей тематике.

Главными героями первой главы являются российское правительство, озабоченное религиозным просвещением народа, и «божеские собрания» — группы крестьян, собиравшихся в своих домах для совместных молитв и разговоров о божественном. Взаимодействие между ними, опосредованное изданными в XVIII в. книгами, прежде всего букварем Феофана Прокоповича и Библией, привело к превращению «божеских собраний» в сектантские общины, которые в 1760-е гг. откололись от официальной церкви. Вторая глава перенесет нас из XVIII в. сразу в конец XIX в., но продолжит начатый в первой главе анализ крестьянского текстуального рационализма в его столкновении с церковным богословием. Речь пойдет о механизмах взаимодействия грамотных начетчиков со своей неграмотной аудиторией — общиной, о цензуре коллектива, которой подвергаются их толкования, и о публичных собеседованиях, организованных церковью для борьбы с сектантством. Эти собеседования-диспуты, вызы-

вавшие массовый интерес крестьян, столкнули церковь с непредвиденными ею трудностями и невольно способствовали проявлению и частичному осознанию фундаментальных различий между текстуальным и категориальным мышлением. Эти же различия отчетливо проявлялись и раньше, с начала 1860-х гг., во взаимодействии крестьян со светской властью, в попытках «тайных» сектантов получить легальный статус, «записаться» в свою веру, которым посвящена третья глава. В их переписке с МВД, юридический смысл которой понимался каждой из сторон диаметрально противоположным образом, мы попытаемся обнаружить текстуальные основания «наивного монархизма» — явления, чрезвычайно важного как для русской истории и культуры в целом, так и для понимания «рационалистических» направлений русского сектантства, включая иудействующих.

Сложившееся в еврейской историографии представление об евреях как о наиболее дискриминируемой в царской России части населения основано на сравнении их с другими этническими и конфессиональными группами. Однако если выделять группы по сословным, а не по этноконфессиональным признакам, то мы увидим, что в отдельные периоды истории евреи, как представители мещанского и купеческого сословий, несмотря на все специфические антиеврейские ограничения, обладали рядом привилегий в сравнении с русскими крестьянами, особенно с сектантами. Крестьяне могли расценивать эти привилегии как исходящее от самого царя одобрение еврейской веры. Поэтому желание субботников начала XIX в. стать «настоящими евреями» и привести свою веру в более полное соответствие с еврейской было обусловлено, как я постараюсь показать в пятой главе, их стремлением исполнять «в точности» не только божественный, но и царский «закон». Евреи, помогавшие субботникам в достижении этих целей, имели собственные представления и ожидания, сформированные галахой (еврейским законом), относительно прозелитов и агадой (повествовательной частью традиции), включающей в себя предания о десяти потерянных коленах Израиля, о праведных прозелитах, о крипто-иудеях и т. п. Об этих традиционных текстах, а также о механизмах еврейской культуры, позволяющих осмысливать реальность при помощи этих текстов и, наоборот, тексты посредством реальности, и о мессианских ожиданиях, связанных с недавним переходом власти над евреями к Российской империи, пойдет речь в четвертой главе. К участию в сионистском движении, возникшем в конце XIX в., субботников, как, вероятно, и многих простых евреев, подталкивало отнюдь не усвоение новой, светской национальной идеологии, а вполне традиционные мессианские ожидания. Сотни крестьянских семейств переселялись в Палестину, вдохновленные, как мы увидим в шестой главе, газетными новостями и слухами, осмысленными как исполнение древних библейских пророчеств.

Граница между идеологическими и текстуальными сообществами, которая так ясно видна в идеально-типических моделях, на прак-

тике, конечно, остается довольно расплывчатой и условной. Вплотную к этой границе субботники приблизились в конце XIX в., когда на Волге и в Закавказье давние разногласия относительно использования еврейских текстов привели к разделению на толки «караимов» и «талмудистов», образовавших отдельные общины. Анализ механизмов и последствий этого разделения, начатый в конце пятой главы, продолжается в седьмой главе. Ее главная тема — соотношение текстуального и категориального в общинах субботников-«караимов» — тесно связана с критическим обсуждением современных научных представлений о ритуальной нечистоте и сакральном. Еще один стимул для утверждения своей идентичности дало субботникам бурное развитие российской печати и распространение грамотности в конце XIX в. Различным формам включения субботников в литературный процесс посвящена восьмая глава. И наконец, в последней, девятой главе речь пойдет о субботниках, живших в еврейских колхозах, создававшихся в Крыму и других регионах в 1920–1930-е гг. Евреи, на которых субботники привычно ориентировались в своем стремлении стать частью библейского, текстуального народа Израиля, после 1917 г. быстро теряли свою связь с еврейскими текстами и религией и проявляли всё большую склонность осмыслять себя исключительно в этнических категориях. Под влиянием различных факторов текстуальная рациональность утратила свое прежнее значение и для многих субботников. Среди этих факторов выделяется Холокост — наглядный пример проявления силы категориального мышления: некоторые крымские субботники были убиты нацистами как евреи, другие спаслись как караимы или русские. Один из вариантов потери прежних и создания новых связей между библейскими текстами и реальностью мы попытаемся увидеть в «частной религии» современной субботницы.

Мне остается только напомнить читателю, что эту последнюю главу нельзя рассматривать как описание современного состояния движения иудействующих в России и на ее основе не следует делать вывод о неизбежности разрушения текстуальных сообществ в условиях современного мира.

Терминология

Объектом нашего исследования является протонародное движение иудействующих (субботников), широко распространившееся в России в конце XVIII — начале XX в. и существующее по сей день. Документированная история этого движения начинается в 1760-е гг., когда в нескольких селах в Тамбовском, Козловском, Бобровском и Павловском уездах Воронежской губернии практически одновременно заявили о себе группы крестьян, отказывавшихся от почитания икон и крестов, от участия в церковных таинствах и в праздниках крестьянской общины, от употребления алкогольных напитков